

Это было поведение настоящего, стопроцентного благородного мужа: мало того, что он не воспользовался чужим бедствием и не стал угрожать, требуя сделать его своим эксклюзивным котлом, так еще и помог заранее пресечь некие будущие беды, дав ему время совладать со следующим Огнем страсти.

Между стадией Заложения основ и периодом Зарождения младенца нужно пройти через ступени Просветления, Слияния, Волнения чувств, Успокоения духа и Золотого ядра. Стоит учесть, что с его уровнем культивации, если бы он стал котлом, то даже на самом начале стадии Заложения основ смог бы в один миг перепрыгнуть на ступень Волнения чувств.

Но прошлой ночью Хао Су не сделал ничего. Фань Цин не верил, что эталонный Повелитель демонов не заметил его уровня культивации, однако тот не воспользовался возможностью обратить его в средство для обоюдного совершенствования.

Хотя это был прекраснейший шанс исцелить раны, и поступи Хао Су хоть как-нибудь, Фань Цин впоследствии не смог бы предъявить ему претензий — в конце концов, именно Фань Цин сам притащил Хао Су в свое укрытие.

Все происходящее лишь подтверждало прежнюю догадку Фань Цина: Хао Су больше не желал иметь с ним ничего общего.

Словно в знак компенсации за то, что он случайно соприкоснулся с ним, уходя, он попутно привел в порядок все его тело. Пусть этот эффект и был временным, все же это куда лучше, чем если бы Фань Цин пытался обуздать все сам с помощью насильственной закалки.

Фань Цин всеми силами всегда избегал последствий, которые несло с собой это телосложение, и теперь, когда кто-то потратил силы и помог ему, он, сам не зная почему, не испытывал той радости, на которую рассчитывал.

Даже легкий румянец на его лице рассеялся, а стеснение в груди стало еще сильнее, чем прежде.

С вчерашнего дня события разворачивались слишком стремительно; если бы не необходимость проделывать это каждую ночь по привычке, Фань Цин, пожалуй, до сих пор не заметил бы изменений в своем теле.

Лежавшие на коленях руки невольно сжались в кулаки. В темноте снова зазвучал мягкий голос Хао Су:

— Ну как, теперь немного легче?

— Хватит?

— Еще?

...Один за другим следовали вопросы — донельзя заботливые, лишённые и намёка на привычные манеры обитателей Мира Демонов.

В его голове пронеслись дикие мысли, но Фань Цин тут же безжалостно подавил их, отчего ладони сжались еще крепче.

Он прекратил поток духовной силы, сбросил верхнюю одежду, лег на кровать и силой зажмурил глаза.

Но неизвестно почему спрятанные под одеялом руки постепенно покраснели, и краснота с ладоней перекинулась на тыльную сторону кистей.

Раненый Хао Су выглядел вовсе не так тяжело, как воображал Фань Цин. Напротив, хотя прошлой ночью Хао Су не занимался ничем подобным во время их совместного пребывания, особенности телосложения котла все же помогли ему восполнить прерванное лечение на горячих источниках.

Его раны уже зажили, а уровень культивации внутри тела стал даже выше, чем до получения травм. Привести в порядок тело Фань Цина для него оказалось делом попутным.

Хотя вчерашние вопросы к Фань Цину так и остались без ответа, Хао Су все же кое-что понял по реакциям юноши.

Маска покоилась на столе, отбрасывая покачивающиеся золотистые блики. Войдя в комнату, Хао Су все это время провел в медитации. Вокруг него были установлены мощнейшие запреты, и если бы кто-то случайно забрёл сюда, он бы узнал об этом в ту же секунду.

Исключение составлял лишь один-единственный случай...

Глубокой ночью, когда и ученики праведных сект, и демоны уже погрузились в сон, скрытая фигура бесшумно появилась в коридоре и медленно остановилась перед дверью комнаты номер три.

Закрытые глаза Хао Су тут же распахнулись. Безошибочно отыскав взглядом пришедшего, он снова медленно сомкнул веки.

Этот силуэт уже почувствовал его запреты, но странность заключалась в том, что барьер не отторгал гостя, а, напротив, мягко впустил его внутрь.

Словно тот изначально являлся частью самого Хао Су.

Обладатель закрытых глаз услышал едва сдерживаемое дыхание, которое тут же поспешили заглушить.

В тишине комнаты Хао Су ощутил, как знакомая духовная сила коснулась его.

Целью было вовсе не нападение — лишь желание погрузить его в более глубокий сон.

Точно так же, как тогда на горячих источниках, он позволил Фань Цину добиться своего.

В тихой комнате по-прежнему стояла тишина, только у кровати Хао Су прибавился еще один человек.

Тот, кто нес в себе его ауру, а потому не был отвергнут защитным барьером, а напротив, признан им.

Осознав это, Фань Цин инстинктивно сжался, и даже теперь его руки, опущенные вдоль тела, оставались согнутыми.

Ничто не могло красноречивее подтвердить близость, что некогда связывала их двоих.

Они вовсе не чужаки.

Фань Цин стоял у кровати Хао Су, и следы на его теле были видны как на ладони.

Прежде он никогда не появлялся перед Хао Су в таком виде в ясном уме. Сейчас в комнате находились лишь они двое, и это рождало безмолвное, тайное возбуждение.

Он принес с собой целый ворох тайн, являя их взору лишь одного этого человека.

Поддавшись какому-то порыву, Фань Цин машинально бросил взгляд на собственную правую руку.

Краснота на тыльной стороне ладони уже сошла, но кончики пальцев снова слегка порозовели от недавнего прикосновения к барьеру.

Даже на его извечно холодном лице постепенно проступал легкий румянец.

Словно пытаясь спрятать нечто постыдное и низкое, Фань Цин завел эту руку за спину, а затем вновь устремил взгляд на Хао Су.

Судя по внешнему виду, Фань Цин не мог знать, насколько тяжелы раны Хао Су.

Но он думал: если бы сила того не пострадала, Хао Су непременно заметил бы его появление, даже несмотря на признание барьера.

Однако он не только не заметил, но и позволил применить на себе заклинание.

Значит, ранения и впрямь невероятно тяжелы.

Если это так, зачем он вообще пожаловал на Гору Вэйи? Неужели ради Чудесного сокровища?

Взгляд Фань Цина в конце концов задержался на лице Хао Су. Вчера у него было совсем немного времени, чтобы хорошенько разглядеть Хао Су.

Если не считать самого начала, все остальное время его глаза были заняты лишь слезами.

Эта физиологическая реакция в тот момент совершенно не подчинялась контролю: как бы Фань Цин ни старался не плакать, слезы все равно продолжали литься.

Это действительно он, — в очередной раз убедился Фань Цин.

Лицо, скрывавшееся под маской, Фань Цин касался бесчисленное множество раз.

Это он целовал его слезы. Взгляд переместился на губы Хао Су. Сидевший на краю кровати Бессмертный господин, чей утонченный облик казался слегка распутным из-за следов поцелуев, моргнул, и его пальцы за спиной едва заметно задрожали. Почти потеряв контроль, Фань Цин медленно наклонился. Чужое дыхание, окутавшее его со всех сторон, заставило сердце забиться в груди, а дыхание — стать гораздо глубже. Он видел каждую деталь на лице Хао Су, видел пульсацию на его боковой стороне шеи.

Помутненный разум прояснился за мгновение до того, как он успел приблизиться к Хао Су. Словно спасаясь от позора, Фань Цин выпрямился и резко отвернулся, словно избегая любых подозрений. Он пришел сюда лишь затем, чтобы узнать, каково на самом деле состояние Хао Су, почему он... почему он поступил так?

Тяжелое, прерывистое дыхание больше не звучало в комнате скрытно. Стоя к Хао Су спиной и подавшись вперед, Фань Цин напряг спину так, что она превратилась в тугую, окаменевшую струну. Он не заметил, как человек позади него открыл глаза и полностью увидел все проявления его мятущейся бури.

Взгляд Хао Су тоже упал на его крепко сжатую правую руку — кожа там покраснела сильнее, чем на остальных участках. При этом Фань Цин прикрыл ее сверху левой рукой, хотя состояние той ладони было ничуть не лучше.

Убегавший в спешке человек даже не обернулся. Хао Су, казалось, был уверен, что тот ничего не заметит, и не закрыл открытые глаза ни на мгновение. Человек ушел, но аромат остался.

Хотя Хао Су и помог Фань Цин временно подавить определенные порывы, это сработало лишь потому, что сам юноша глубоко в душе вовсе не желал этого. Хао Су шевельнул рукой, и витавший в воздухе запах полностью собрался у него на ладони. Стоило Фань Цин всего лишь немного посмотреть на него, как он вспылал страстью. Густой аромат еще долго не мог рассеяться, позволяя представить, насколько сильным было влечение юноши.

Сжав ладонь, Хао Су запер аромат Фань Цин внутри. Он закрыл глаза и на этот раз уже не просыпался среди ночи.

Однако вернувшийся в свои покои Бессмертный господин был далеко не так спокоен, как Хао Су. Огонь страсти больше не бушевал, но куда более бурные потоки захлестнули его собственную плотскую страсть. В правой руке ощущалось почти обжигающее жжение, казалось, оно прожжет ладонь насквозь и забьется по всему телу.

Щеки Фань Цин давно пылали румянцем, а в глазах читалось невыразимое выражение. И все же его мысли оставались поразительно ясными: не разжимая ладони, он тихо пробормотал несколько раз заклинание очищения сердца.

Спустя долгое время в комнате наконец воцарился покой, и даже странное ощущение на руке исчезло без следа.

На следующее утро, приведя себя в порядок, все отряды снова отправились в путь. Именно с этого дня за спиной Хао Су появился скрытый взгляд.

Этот взгляд постепенно терял ясность, становясь с каждым днем все тяжелее, двусмысленнее и полнее грязного вожделения. А когда они останавливались на ночлег, полночная фигура, словно истязая себя, неизменно и точно в срок появлялась в его комнате, оставляя после себя лишь легкий аромат.

Казалось, пока Фань Цин каждую ночь дежурил в комнате Хао Су, праведный и демонический пути поменялись местами. Бессмертный господин, который на людях казался чистым и безупречным, как легкий ветерок и светлая луна, в уединении жадно и подло подглядывал за

спящим человеком. А Повелитель демонов, славившийся своим жестоким и бескомпромиссным нравом, снова и снова бессознательно становился объектом чьего-то дерзкого и бесцеремонного изучения. Этот одержимый взгляд, казалось, пронизывал его насквозь.

Мало того, поскольку Фань Цин неизменно считал, что Хао Су тяжело ранен, то до прибытия на Гору Вэйи при каждой возникавшей опасности он всегда незаметно заслонял его собой. Фань Цин действовал предельно тонко и выверено: если бы Хао Су не знал его истинной натуры, то вряд ли смог бы что-то заметить, не говоря уже об остальных. Он не хотел вызывать у окружающих подозрений и случайно проговориться о том, что Хао Су ранен.

Фань Цин глубоко прятал свои чувства к Хао Су, но во всем важна мера, а избыток равен недостатку. Когда нагрузка на кусок дерева достигает предела, он неизбежно ломается. Фань Цин не обзавелся сердечным демоном из-за своего телосложения котла, но зато взрастил его в себе за эти дни бесконечного терпения и сдерживания. Для последователей пути бессмертных это было смертельно опасно.

Фань Цин и сам это осознавал — особенно когда во второй раз посреди ночи тайком пришел посмотреть на Хао Су и вновь едва справился с нахлынувшим Огнем страсти. Он отчетливо почувствовал, что его влечение к Хао Су перешло все границы обычных человеческих чувств. Ему хотелось не просто смотреть на него — ему хотелось близости. Хотелось уткнуться лицом в его ладонь, прижаться к его телу.

Глубокой ночью Хао Су с закрытыми глазами лежал на кровати, а стоявший рядом человек впервые не смог справиться со своим вожделением: мягкие лепестки губ коснулись его губ.

Фань Цин нервничал настолько сильно, что у него дрожали губы. Все те навыки, которым Хао Су научил его в прошлый раз, казалось, вылетели у него из головы, не оставив и следа. Одной рукой он опирался на резное деревянное изголовье кровати, а другую упер в край ложа. Обе руки напряглись до такой степени, что кончики пальцев побелели.

Обитель бессмертных годами воспитывала его, внушая понятия о долге, праведности, чести и стыде, а также о необходимости обуздать плоть и дух, но стоило ему опуститься на колени, как все эти наставления полетели к чертям. Жажда плоти утолялась от самого телесного контакта. Дыхание Фань Цина было глубоким, но, боясь разбудить Хао Су, он все время старался затаить его.

До безумия жадно потерявшись о губы Хао Су, он высунул язык, но даже не смел вести себя дерзко — лишь робко водил им туда-сюда вдоль контура.

Длинные ресницы Бессмертного господина непрерывно дрожали, лицо горело алым румянцем. В глухую полночь, облаченный в одежды гордого и неприступного небожителя, он предавался осквернению того, кого так страстно любил.